

УДК 821.161.2 : 82 – 2 „18/19”

ЧЕЙ ЧЕХОВ? К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ ТВОРЧЕСТВА В КРИТИКЕ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX вв.

Павленко И.Я., д. филол. н., профессор

Запорожский национальный университет, ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина

i.pawlenko2011@yandex.ua

В статье рассматривается вопрос о том, как современники А.П.Чехова определяли место этого писателя в русском литературном процессе конца XIX–начала XX вв. На материале работ представителей публицистической (Н. Михайловского, А. Скабичевского, М. Протопопова, В. Кинга (Дедлова), В. Воровского, М. Горького), эстетической (П. Перцова, А. Белого, З. Гиппиус, Д. Мережковского), философской (Л. Шестова, С. Булгакова) критики делаются выводы о том, что все интерпретаторы не только по-разному оценивают творчество Чехова, но и соотносят его с различными явлениями русской и зарубежной литературы рубежа XIX–XX вв., неизменно акцентируя на самобытности и непохожести на кого бы то ни было. Все критики едины в том, что среди многообразных литературных течений, направлений, школ и группировок литературного процесса эпохи Чехов остался «ничьим».

Ключевые слова: критика, интерпретация, со/противопоставление, контекст, идеалы, тенденция, реалисты, декаденты, символисты.

ЧИЙ ЧЕХОВ? ДО ПРОБЛЕМИ ОЦІНКИ ТВОРЧОСТІ В КРИТИЦІ КІНЦЯ XIX–ПОЧАТКУ XX ст.

Павленко І.Я.

Запорізький національний університет, вул. Жуковського, 66, м. Запоріжжя, Україна

У статті розглянуто питання про те, як сучасники А.П. Чехова визначали місце цього письменника в російському літературному процесі кінця XIX–XX ст. На матеріалі робіт представників публіцистичної (М. Михайловського, О. Скабичевського, М. Протопопова, В. Кінга (Дідлова), В. Воровського, М. Горького), естетичної (П. Перцова, А. Белого, З. Гіппіус, Д. Мережковського), філософської (Л. Шестова, С. Булгакова) критики зроблено висновки про те, що всі інтерпретатори не лише по-різному оцінюють творчість Чехова, але й співвідносять її з різними явищами російської та зарубіжної літератури межі XIX–XX ст., акцентуючи на самобутності і неподібності до будь-кого. Усі критики однак є в тому, що серед різноманітних явищ літературного процесу Чехов залишився «нічим».

Ключові слова: критика, інтерпретація, зі/протиставлення, контекст, ідеали, тенденція, реалісти, декаденти, символісти.

WHOSE CHEKHOV? THE PROBLEM OF ASSESSMENT OF CREATIVITY IN CRITICISM OF THE LATE XIX–EARLY XX CENTURIES

Pavlenko I.Ya.

Zaporizhzhya National University, Zhukovski str., 66, Zaporizhzhya, Ukraine

The purpose of the present article – to consider why and with whom of his contemporaries prominent representatives of different areas of the Silver Age’s criticism compared Chekhov as a writer, how they determined his place in Russian literature during the late 19th– early 20th centuries. Conclusions that all interpreters have different assessments of Chekhov’s works are based on a material of literary-critical works from different social, philosophical, literary fields, publicists (N.Mihaylovsky, A. Skabichevsky, M. Protopopov, V.King (Dedlov), V.Vorovsky, Gorky), aesthetic (P.Pertsov, A. Beliy, Z. Gippius, D. Merezhkovsky), philosophical (L.Shestov, S.Bulgakov) criticism. Critics relate it to the various philosophical trends (positivism, mysticism) of Russian and foreign literature of 19–20 cc, compare and oppose with representatives of the psychological (Dostoevsky, Tolstoy, Turgenev) and sociological (G. Uspensky etc.) realism, with works of contemporary writers (Garshina, Korolenko, Gorky, and others), with displays of new literary trends (naturalism, impressionism, symbolism, decadence), consider Chekhov among those who prepared the ground for the emergence of modernist literature in Russia, etc. In spite of the fact, identity and Chekhov’s otherness to someone else are always focused on. All critics converge in opinion that among the diverse literary trends, directions, schools and literary groups of the era Chekhov “belonged to none of them”, or was estimated as a representative of the ideals, philosophy and aesthetics of that part of the literature, which the

author of the critique did not belong to. The multi-vector of contemporaries' estimates had an impact on modern literary discourse.

Key words: Criticism, interpretation, comparison and contradistinction, the context, the ideals, the trend, realists, decadents, symbolists.

В последние годы в различных источниках постоянно встречается словосочетание «Наш Чехов». Оно стало привычным до банальности и, кажется, отражает совершенно очевидные вещи: Чехов – выдающийся прозаик, драматург, творчество которого оказало влияние на развитие мировой литературы. Обзор современных публикаций о Чехове свидетельствует о том, что к его творчеству обращаются сейчас не только и не столько писатели и литературоведы, сколько режиссёры театра и кино (Олег Табаков даже перефразировал известные слова А. Григорьева о Пушкине, заявив: «Чехов – наше всё»), но и для них, исходя из интервью маститых деятелей культуры, например, Андрона Кончаловского, этот автор остаётся загадкой.

Если речь идёт о современниках писателя, то вопрос о том, «чей Чехов», оказывается чрезвычайно актуальным, поскольку никто из критиков, не смотря на множественность разновекторность оценок, попыток связать творчество очень талантливого и популярного писателя с одним из направлений, течений, школ или литературных группировок Серебряного века, не назвал его «своим».

Состояние литературы рубежа XIX–XX веков достаточно ёмко охарактеризовано Зинаидой Гиппиус, которая утверждала, что все литераторы распределены по двум мешкам, и только символисты, в силу несерьёзного отношения к ним, остаются на свободе [1, с. 254]. Однако Чехов, постоянно находившийся в поле зрения читателей и критиков, творил «вне мешков», но в то же время не был символистом, стоял особняком и практически нигде не был своим. Вместе с тем, в отзывах современников на его произведения постоянно проявляется желание определить «степень родства» писателя с традициями предшествующей литературы, место в литературе текущей, и не только русской, сопоставить с различными авторами, а тем самым ввести в определённый контекст, сделать хоть где-то своим. Характерно, что эти попытки делались представителями «разных мешков», поскольку именно творчество Чехова вызывало активный читательский интерес и побуждало к перу критиков. Нужно отметить также, что о Чехове писали как представители неонароднической и марксистской, т.е. социологизированной публицистической критики, так и религиозные мыслители, писатели-символисты, критики, стоящие вне каких бы то ни было течений, оценивающие литературу с собственно филологических, эстетических и философских позиций. Поэтому не удивительно, что и подходы к творчеству писателя у них различны, и литературный контекст оказывается разным.

Каждый из критиков видит и интерпретирует творчество Чехова, его истоки по-разному и, как правило, воспринимает как нечто значимое, но далёкое от него, от критика. Для каждого из рецензентов Чехов в какой-то степени иной, принадлежащий к другому эстетическому направлению, находящийся «в другом мешке» или мог бы там находиться.

Творчество А.П. Чехова не давало покоя критикам с выхода первых сборников его рассказов и очерков. Например, за месяц после издания сборника «В сумерках» были опубликованы статьи и рецензии в «Русских ведомостях» (1887, № 240 от 1 сентября), «Осколках» (1887, № 36 от 5 сентября), «Московских ведомостях» (1887, № 244 от 5 сентября), «Петербургской газете» (1887, № 248 от 10 сентября), «Правительственном вестнике» (1887, № 197 от 12 сентября), «Северном вестнике» (1887, № 9), «Новом времени» (1887, № 4157 от 25 сентября). Среди авторов – В.П. Буренин, Н.К. Михайловский, В.В. Билибин, В.А. Гольцев, К.К. Арсеньев. Чуть позже (в 1888) появились отзывы Д.С. Мережковского, А.Ф. Бычкова, А. Кузина и др. [30, с. 257– 374].

Через три года после смерти писателя вышла первая антология литературно-критических отзывов о его творчестве [24]. В советское время выходила известная серия «Писатель в критике», однако том о Чехове в ней так и не вышел. Причины достаточно точно определены И.Н. Сухих: «...среди писавших о нем было много «сомнительных» персонажей (эмигрантов, религиозных философов), ...современники наговорили много сомнительного, неправильного (а будущего классика нужно критиковать только правильно)» [289, с. 8].

В 2002 г. вышел сборник, в котором собраны критические отзывы о многих произведениях классика [31]. Материалы предваряются глубокой концептуальной статьёй И.Н. Сухих «Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова» [29] и завершаются обзором А.Д. Степанова «Антон Чехов как зеркало русской критики» [28]. В этих статьях дан общий анализ «чеховского дискурса» в критике конца XIX – начала XX вв.

В современном литературоведении есть ряд работ, посвящённых рецепции творчества А. Чехова критикой Серебряного века, среди которых можно выделить статью Полоцкой Э.А. «Чехов (Личность, творчество)» [25], диссертацию и статьи М.А. Мурины [21; 22] и др. Однако в целом проблема рецепции чеховского творчества современниками в силу различных обстоятельств достаточного освещения не получила. Потому цель предлагаемой статьи – рассмотреть, с кем из современников и почему сопоставляли Чехова-писателя видные представители различных направлений критики Серебряного века.

Одним из первых о Чехове как о большом писателе заговорил Николай Михайловский. В статье «Об отцах и детях и г-не Чехове» он пишет о принадлежности Чехова к числу восьмидесятников, растративших заветы и традиции отцов, а, следовательно, порвавших с традициями демократической литературы и не проповедующих социальные идеалы. «Г-н Чехов пока единственный действительно талантливый беллетрист из того литературного поколения, которое может сказать о себе, что для него «существует только действительность, в которой ему суждено жить», «идеалы отцов и дедов над ними бессильны» [18, с. 84], «я не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант» [18, с. 84]. Критик-народник причисляет молодого автора к «ничегонеделателям». (Подобная мысль звучит и в работе М.А. Протопопова с выразительным названием «Жертва безвременья». Этой жертвой «безыдеальности» 80-х гг., подобно собственным героям, стал Чехов [26]).

Однако в другой работе Н. Михайловский отмечает отсутствие того поколения, к которому мог бы принадлежать Чехов: «Прежде всего, любопытно заметить, что у г-на Чехова нет сколько-нибудь ярких литературных ровесников: все сколько-нибудь ценное в литературе или гораздо старше его, или развернулось значительно позже. Таким образом, ни одно из современных наших модных течений не захватило г-на Чехова. Он остался сам по себе» [20, с. 339]. Попытка исследовать феномен популярности А.М. Горького и А.П. Чехова, о которых опытный критик пишет как об авторах «...как бы дополняющих друг друга своими резко различными индивидуальными чертами при наличии чего-то общего в них», приводит к со/противопоставлению этих писателей и утверждает в мысли о литературном одиночестве Чехова [19, с. 495]. Как видим, уже у одного из самых авторитетных и читаемых критиков появляется мысль о несопоставимости Чехова с другими писателями и об отсутствии того типологического ряда, в котором можно было бы рассмотреть его творчество. Одно ясно, что для него, А.М. Скабичевского [27], М.А. Протопопова [26] и других Чехов не наш, но и не символист, не декадент. Для критиков-реалистов именно реализм в его социологической разновидности рассматривался как высшее достижение литературы, а Чехов оказывался фактически на маргине литературного процесса.

В.Л. Кинг (Дедлов), постепенно отдаляющийся от воззрений народников, отметил творческую свободу и независимость А.П. Чехова, сумевшего не примкнуть ни к одному из существующих течений: «Он остался свободным, и уже одно это свидетельствует о силе таланта, который не только не подчинился обстоятельствам, но еще сумел более или менее подчинить их себе. Его простые психологические рассказы должны были быть очень художественными, чтобы пробить себе дорогу на страницы если не тенденциозных, то делающих тенденциозный вид газет и журналов» [13, с. 96]. Свобода обусловлена оригинальностью дарования, которое не в состоянии постичь никто из современных критиков. Дедлов один из первых поставил вопрос о традициях, развиваемых в творчестве А.П. Чехова, и пришёл к выводу о том, что предшественниками могут быть названы Гоголь и Толстой. Однако если многие писатели так и остались в русле открытий гениальных талантов, то творчество Чехова «развилось в нечто живое и оригинальное, имеющее все задатки для дальнейшего развития и совершенствования» [13, с. 109]. В творчестве Чехова критиком отмечен мистицизм, характерный для настроений времени и могущий привести в ряды новых литературных течений: «В произведениях г-на Чехова звучит та же нездоровая нотка, что и у наших критиков-мистиков. Звучит она бессознательно, без определенных выводов, но это опасная нотка, которая может роковым образом повлиять на дальнейшее развитие таланта» [13, с. 111], однако рецензент надеется, что и в этот плен писатель не попадёт, оставаясь крупным своеобразным явлением в русской беллетристике [13, с. 111].

Для представителя становящейся марксистской критики Вацлава Воровского Чехов – продолжатель традиции 60–70-х гг. В первую очередь это проявляется в обращении к характерному для русской литературы того времени типу «лишнего человека». Чеховские герои рассматриваются как лишние люди нового времени, эпигоны «поколений, сыгравших в свое время крупную историческую роль, их гибель – это заключительный эпизод в жизни целого общественного течения» [8, с. 617]. Развиваясь как писатель в русле лучших традиций литературы 60-70-х годов, Чехов неизбежно обращается к вопросу трансформации и измельчания ранее столь любимых лишних людей в новое время. И не его вина, что изменяется тип, он только честно отразил этот факт в своих произведениях. Критик отмечает реализм и аполитизм творчества Чехова («Благодаря этой неясности путей, которыми может и должно прийти будущее, Чехов всегда был далек от реальной борьбы за это будущее, всегда был чужд борющихся за него людей, всегда был аполитиком» [7, с. 483]), и это последнее качество автоматически делает писателя «иным» для В. Воровского, сожалеющего, что Чехов не дожил до бурных событий 1905 и последующих лет, которые, возможно, смогли бы сформировать его новое мирозерцание и уйти от создания «хмурых людей».

В работах А.И. Богдановича А.П. Чехов как мастер короткой прозаической формы, «первоклассный новеллист, не имеющий себе равных», сопоставляется с Мопассаном [4, с. 257]. Но в то же время отмечается, что творчество русского писателя обусловлено эпохой его формирования, сумрачное настроение его произведений – лучшее выражение настроений 80-х, а сам автор подобен тем талантам, у которых «... нет творческого начала, которое в себе самом находит источник жизни и делится им с окружающими. Таланты такого рода, как превосходно отшлифованные зеркала, великолепно отражают жизнь, но лишь в одной плоскости. Луч света, упавший на такое зеркало, отразится правильным и ослепительным пучком, так что глазам больно. Только в нем нет игры, разнообразия, – он одноцветен, и при самых различных положениях остается все тот же. Талант г-на Чехова до известной степени напоминает нам такое же зеркало, в котором с удивительной правдой отразилась преобладающая сторона общественной жизни последних годов» [5]. И для критика, постепенно переходящего с народнических позиций

на марксистские, жаждущего деятельного героя и активного авторского отношения к жизни, Чехов оказывается «не своим».

Постоянно стремившийся к объективности и внепартийности Пл. Н. Краснов также считал Чехова писателем безвременья, «осенним беллетристом», сопоставлял творчество Чехова с произведениями Мопассана, делая вывод о принадлежности их к одной литературной школе, однако «точка зрения русского писателя человечнее и намного шире» [14, с. 255], а сам Чехов стоит особняком в русской литературе и по характеру творчества близок не кому-то из писателей, а русскому художнику Левитану.

Ни с кем не сопоставим А.П. Чехов и для одного из инициаторов символистического движения П.П. Перцова. Ему кажется, что отношение Чехова к своему творчеству подобно отношению фотографа, который с одинаковым удовольствием снимает всё вокруг, все снимки оказываются живыми, но целостная картина не формируется. Критик нового направления соглашается с мыслью народника Михайловского о писательском безразличии Чехова, но в то же время обращает внимание на эстетические стороны его произведений. П.П. Перцов считал, что писателю присущ «изящный стиль», «нежный колорит составляет отличительную черту описаний г-на Чехова и дает нам преимущество над... картинами другого талантливого беллетриста, г-на Короленко, в которых иной раз резкая черта нарушает гармонию. У г-на Чехова, напротив, все мягко, плавно и стройно» [23, с. 119]. Давая оценку творчеству А.П. Чехова с позиций эстетической критики, Перцов приходит к выводу о том, что «...яркий рисунок, свежие и живые картины природы, тонкий психологический анализ, по временам меткие или остроумные наблюдения публицистического характера, наконец, юмор, — таков литературный плюс г-на Чехова; случайность в выборе тем, непродуманность содержания, непонимание общественной его стороны, и происходящие отсюда неясность и отрывочность произведения — таков минус этого писателя» [23, с. 211–212]. Однако, определяя место прозаика в литературе последних лет XIX в., утверждает, что «...г-на Чехова напрасно было бы подозревать в принадлежности к какому бы то ни было литературному лагерю и каких бы то ни было определенных общественных симпатиях» [23, с. 214], это автор, не принадлежащий ни к какой школе и никакой школы не создающий.

В начале своего творческого пути к творчеству Чехова обратился Дмитрий Мережковский. Он отметил связь творчества молодого прозаика с лучшими традициями русской реалистической литературы: «...Чехов, конечно, не по количеству таланта, о котором трудно судить по тому, что он до сих пор дал, а по качеству, примыкает к современной русской школе, к Тургеневу и Толстому: он научился у них одинаково любить природу и человеческий мир, не жертвовать одним из этих элементов для другого, понимать их органическое и необходимое взаимодействие» [17, с. 57]. Уже в 1888 г. он отметил, что произведения талантливого прозаика «соединяют в себе очень широкое мистическое чувство природы и бесконечности с трезвым здоровым реализмом, с гуманным отношением к самым обыкновенным, сереньким людям, с чутким пониманием насущных вопросов дня» [17, с. 64]. Он говорит о Чехове как об удивительно гармоничном писателе, доказавшем своим творчеством возможность «быть безгранично свободным поэтом, воспевать "красу долин, небес и моря" и вместе с тем искренне сочувствовать человеческому горю, обладать чуткой совестью и откликаться на "проклятые" вопросы современной жизни» [17, с. 65]. Новеллы Чехова сопоставимы с лирикой Фета и Тютчева, поскольку они бесполезны с точки зрения достижения общественной пользы (а, следовательно, никак не коррелируют с народническими представлениями о задачах литературы), однако «содействуют прогрессивному усовершенствованию эстетического вкуса и впечатлительности, которые приносят нам такую массу высоких и бескорыстных наслаждений» [17, с. 77].

В книге «О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе» Мережковский объявит, что во всех талантливых произведениях прошлого были ростки символизма. Одним из предшественников нового направления называет и Чехова, поскольку он «один из верных последователей великого учителя Тургенева на пути к новому грядущему идеализму, он так же, как Тургенев, импрессионист» [16, с. 447]. К главным достоинствам Чехова Мережковский относит болезненно-утончённую художественную чувствительность, передающееся читателю чувство неопределённости, недосказанности, близкое воздействию музыки.

Интересно, что уже в этой статье он наделяет творчество Чехова теми качествами, которые позже назовёт признаками символизма – расширение художественной впечатлительности и мистическое чувство.

Здесь не достаёт только символа, речь о котором идёт уже в работе Андрея Белого. Он определяет Чехова как истинного художника в то время, который не может быть назван ни реалистом, ни символистом в прежнем значении. Для Белого, в отличие от представителей народнической критики, Чехов не прерывает традицию, поскольку его творчество – «непрерывное звено между отцами и детьми», сочетает понятную для всех форму с дерзновенной смелостью новатора. Он составляет Чехова с авторами казалось бы не сопоставимыми: «В Чехове толстовская отчетливость и лепка образов сочетается с неуловимым дуновением Рока, как у Метерлинка» [2]. Но вместе с тем постоянно подчёркивается отличие Чехова от Метерлинка: «Пристальный взор его ни на минуту не отрывался от мелочей. Чехов ничего не объяснял: смотрел и видел. Его символы тоньше, прозрачнее, менее преднамеренны. Они вросли в жизнь, без остатка воплотились в реальном. И поскольку за начало реального мы берем образ переживания, а за форму его – символ, постольку Чехов более всего символист, более всего художник» [2]. И символизм, и Чехов говорят о неопределённости объекта. Только для Чехова неопределённа (непонятна, страшна, парадоксальна) действительность, а для символистов – тот мир, который они никогда не умели назвать, потому что он и есть главный неопределённый объект. По Белому, Чехов и символисты как бы приближаются к одной цели с разных сторон, но никогда не совпадают. В статье 1907 года пишет о символическом реализме Чехова, о писателе, занимающем центральное место между двумя периодами русской литературы, исчерпавшем реализм и подготовивший почву для символизма («...мы готовы учиться у него, проверять себя им, даже смотреть на мир его глазами, – но смотреть вперед, в те области, куда ведут нас пути будущего» [3, с. 835]), великом, оригинальном и ни к кому не принадлежащем.

И если у Белого развиваются мысли о близости Чехова символизму (но не отождествление с ним, поскольку у Чехова реализм сливается с символизмом [3, с. 834]), то в более поздней статье Дмитрия Мережковского «Чехов и Горький» автор обращается к совершенно иному типологическому ряду, сопоставляя Чехова с Горьким. В этой статье отношение критика к Чехову меняется. Он оценивает Чехова и Горького как духовных вождей и идейных вдохновителей современной интеллигенции, тех вождей, которые пришли на смену до конца не понятым и не оцененным Толстому и Достоевскому, оказавшимся не по плечу интеллигенции. Объединяет Чехова и Горького то, что они оба разрушают идеалы и верования интеллигенции, скрывая от всех своё безверие. Оба они проповедуют «религию человечества» без Бога, которая «...всегда была и есть донныне бессознательная религия русской интеллигенции. Чехов и Горький – первые сознательные учителя и пророки этой религии» [15, с. 700], тем самым уничтожая саму идею Бога. И русская культура, предводимая Чеховым и Горьким стремительно движется по этому пути. «Человечество – без Бога, человечество – против Бога, человечество – Бог, человек – Бог, я – Бог, – вот ряд посылок и выводов, ряд ступеней, образующих пока еще темную

для сознания русской интеллигенции, метафизическую лестницу, которая ведет неминуемо от религии человечества к религии человекобожества.

Внизу этой лестницы – чеховский интеллигент; вверху – горьковский босьяк. Между ними ряд ступеней, которых еще не видит, но по которым уже идет русская интеллигенция» [15, с. 701].

Но это то, что, с точки зрения Д. Мережковского, роднит содержание произведений Горького и Чехова. В области же формы Чехов – достойный наследник великой русской литературы, унаследовавший и усовершенствовавший её простоту, естественность, отсутствие всякого пафоса. Критик-символист отмечает, что «Чехова разрывали на части всевозможные политические и литературные лагеря: делали его позитивистом, социалистом, марксистом, народником, декадентом и даже мистиком; последняя попытка неудачнее всех остальных.» [15, с. 708] из-за отсутствия у писателя истинно религиозных чувств.

С мыслью о разрушающей силе чеховских произведений во многом соглашается Лев Шестов. В статье со значимым названием «Творчество из ничего» утверждал, что Чехов – певец безнадежности, и всё, что он делал, на обычном языке называется преступлением, поскольку всё его творчество – убийство человеческих надежд: «Он постоянно точно в засаде сидит, высматривая и подстерегая человеческие надежды» [32, с. 568]. В искусстве «одним прикосновением, даже дыханием, взглядом убивать все, чем живут и гордятся люди» он сопоставим с Мопассаном [32, с. 568], однако совершает всё более последовательно и результативно. Формирование этого качества чеховской прозы происходит под влиянием поздних произведений Толстого: «Это важно в виду того, что таким образом часть «вины» Чехова падает на великого писателя земли русской: если бы не было «Смерти Ивана Ильича» – не было бы ни «Скудной истории», ни «Иванова», ни многих других замечательных произведений Чехова» [32, с. 571], поскольку Толстой научил, что в литературе можно говорить правду и говорить что угодно. Анализ произведений Чехова приводит Шестова к мысли о том, что единственный их герой – предоставленный самому себе безнадежный человек [32, с. 584], а смысл заключается в том, что «никто не верит, что, изменив внешние условия, можно изменить и свою судьбу. Везде царит хотя и не осознанное, но глубокое и неискоренимое убеждение, что воля должна быть направлена к целям, ничего общего с устремлением человечества не имеющим» [32, с. 598], что не даёт возможности поставить автора в один ряд с кем-то из современных ему русских писателей, в первую очередь с хранителями «заветов», поскольку борьба с позитивизмом пронизывает все произведения Чехова.

Неоднократно и по самым разным поводам к творчеству А.П. Чехова обращалась З. Гиппиус. В статьях о быте в литературе она резко выступила против всех попыток сближения творчества Чехова и Достоевского, обратив внимание на отличительное отношение писателей к быту, а за ним и к пошлости. Эти авторы различны по своему мировосприятию и воздействию на читателей: «Достоевский больно и мучительно протергивает нас сквозь всю землю до самого нижнего, второго неба; Чехов тянет нас по скользкому, приятно-полотому скату в неглубокую, мягкую дыру, где нет никакого, даже первого неба, а только черно, тихо и, пожалуй, спокойно. Покой, неподвижность -- отнюдь не лишены для нас соблазна» [9]. И в этом соблазне поэтесса-критик видит причины притягательности безусловно талантливых произведений А.П. Чехова, у которого был ряд последователей среди писателей «дурного первого сорта, «описателей более, чем писателей», но они подражают лишь одной из граней чеховского таланта [11]. И только к началу 10-х гг., с развитием романа, литература начинает преодолевать чеховское влияние: «...совершается естественное освобождение от "чеховщины"». «Миниатюра Чехова – целая эпоха. Это была литературная революция, – необходимая, конечно, и для общей эволюции литературы. Но теперь Чехов остался позади. Пережит, пройден, – хотя

не превзойден» [12]. Своим пытались признать А.П. Чехова многие, однако ни в один литературный лагерь он не вошёл. «Декаденты, по примеру всех других "партий", самых противоположных, тащут Чехова к себе: он наш! А Чехов, как стоял на одном месте, страдающий, слабый, глубокий, значительный, так и стоит. Ничей, свой и Божий» [10].

В лекции С. Булгакова «Чехов как мыслитель» высказана мысль о том, что идеал художественной простоты и реализма вполне достигнут Чеховым, и как реалист он, возможно, сопоставим с Мопассаном [6, с. 549]. Однако основной пафос творчества определяется как мировая скорбь, а отсюда и сопоставление с Байроном. «Как и у Байрона, основным мотивом творчества Чехова является скорбь о бессилии человека воплотить в своей жизни смутно или ясно сознаваемый идеал; разлад между должным и существующим, идеалом и действительностью, отравляющий живую человеческую душу, более всего заставлял болеть и нашего писателя» [6, с. 551]. И если Байрон скорбит о невозможности совершения сверхчеловеческих притязаний, то Чехов о бескрылости человека, нежелании подняться даже там, где возможно. Различны и герои этих авторов. У Байрона это те, «кого он считает героями и кого наделяет высшими атрибутами человеческой личности» [6, с. 552]. «Противоположное у Чехова. В его произведениях нет героев, а есть заурядные люди, жалкие, смешные, несчастные именно своей заурядностью» [6, с. 552]. В подходе к человеку Байрон и Чехов антиподы: одного занимали исключительно судьбы сверхчеловека, высших экземпляров человеческой природы, другого – духовный мир посредственности, неспособной даже стать вполне человеком. Вместе с тем, по мнению Булгакова, «если уж нужен латинский термин для определения мировоззрения Чехова, то всего правильнее назвать его оптимопессимизмом, видящим торжество зла, призывающим к мужественной и активной борьбе с ним, но твердо верящим в грядущую победу добра» [6, с. 554]. Ему присуща вера в сверхчеловеческое Добро [6, с. 557]. Чехова постоянно интересует тонкость и индивидуальность религиозного чувства, в чём он превосходит Толстого и близок к Достоевскому [6, с. 556]. Что же касается современной литературы, то «Чехов не отдал своего таланта на службу ни одному из существующих направлений, а сам составил свое собственное направление» [6, с. 559–560], что рассматривается Булгаковым как подвиг нравственного мужества.

В статье не ставилась цель проанализировать все существовавшие в критике Серебряного века попытки со/противопоставить творчество А.Чехова с различными проявлениями литературного процесса его времени: это может стать задачей комплексного монографического исследования или коллективного труда. В данной работе проанализированы лишь некоторые статьи и рецензии (часть из них только возвращаются в гуманитарный дискурс) критиков различных направлений. Как видим, даже те авторы, работы которых назывались, не только по-разному оценивают творчество Чехова, безусловно принимая талантливость и даже утверждая зачастую мысли о гениальности, но и соотносят его с различными явлениями литературы рубежа XIX– XX вв., неизменно делая вывод о самобытности и непохожести на кого бы то ни было. И что явно прослеживается во всех называемых и неназванных работах, так это то, что Чехов «не наш», иной или даже чужой, несколько приближается «к нам» или готовит для кого-то платформу, он похож, но совсем иной. И чем больше отзывов современников становится нам известно (многие были перепечатаны совсем недавно, а что-то ещё ждёт своего издателя), тем шире круг вполне убедительных параллелей и антитез становится достоянием читателя. Все эти оценки и сомнения переходят в современный литературоведческий дискурс, ставя всё новые проблемы перед исследователями творчества гениального писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антон Крайний [Гиппиус З.] Выбор мешка. Углекислота / А. Крайний // Новый путь. – 1904, № 1. – С. 254–261.
2. Белый А. Луг зелёный [Электронный ресурс] / Андрей Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. – Т. 1 ; вступ. ст., сост. А.Л. Казин, коммент. А.Л. Казин, Н.В. Кудряшева. – М. : Искусство, 1994. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_00_1910_simvolizm.shtml
3. Белый А. Чехов / А. Белый // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 831–842.
4. Богданович А.И. Критические заметки / А.И. Богданович // А.П. Чехов Pro et contra. Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 256–268.
5. Богданович А.И. А.П. Чехов – талант мертвой полосы [Электронный ресурс] / А.И. Богданович. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bogdanowich_a_i/text_0190oldorfo.shtml
6. Булгаков С.Н. Чехов как мыслитель: публичная лекция / С.Н. Булгаков // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 538–565.
7. Воровский В.В. А.П.Чехов / В.В. Воровский // Литература. Искусство. [Текст] : [литературно-критические статьи] ; [вступ.статья И. Черноуцана ; сост. и примеч. О Семеновского]. – М. : Искусство, 1975. – 546 с. – С. 481–509.
8. Воровский В.В. Лишние люди / В.В. Воровский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 615–651.
9. Гиппиус З. О пошлости [Электронный ресурс] / З.Гиппиус. – Режим доступа: <http://gippius.com/doc/articles/o-poshlosti.html>
10. Гиппиус З.Н. Быт и события [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус. –Режим доступа: <http://gippius.com/doc/articles/byt-i-sobytiya.html>
11. Гиппиус З.Н. Книги, читатели и писатели [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1911_knigi.shtml
12. Гиппиус З.Н. Литераторы и литература [Электронный ресурс] / З.Н. Гиппиус. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1912_literatory_oldorfo.shtml
13. Кинг В.Л. (Дедлов). Беседы о литературе. А.П. Чехов / В.Л. Кинг (Дедлов) // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 94–111.
14. Краснов Пл.Н. Осенние беллетристы / Пл.Н. Краснов // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 244–255.
15. Мережковский Д. Чехов и Горький / Д. Мережковский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П.Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 692–721.

16. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях в русской литературе // Д.С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – СПб. : Наука, 2007. – С. 428– 502 с.
17. Мережковский Д.С. Старый вопрос по поводу нового таланта / Д.С. Мережковский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 55–79.
18. Михайловский Н. Об отцах и детях и господине Чехове / Н. Михайловский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 81–92.
19. Михайловский Н.М. О повестях и рассказах Горького и Чехова // Н.К. Михайловский. Литературная критика и воспоминания. Серия «История эстетики в памятниках и документах». – М. : Искусство, 1995. – 588 с. – С. 494–514.
20. Михайловский Н. Кое-что о г-не Чехове / Н. Михайловский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 332–354.
21. Мурина М.А. Чеховиана начала века (Структура и особенности) / М.А. Мурина // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». – М. : РГГУ, 1996. – С. 15–22.
22. Мурина М.А. А.П. Чехов в русской критике и культурном сознании начала XX века (1900–1917) : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. н. – специальность 10.01.01 «Русская литература» / М.А. Мурина. – СПб., 1992. – 22 с.
23. Перцов П.П. Изъяны творчества (рассказы и повести А.П. Чехова) / П.П. Перцов // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 180–215.
24. Покровский В.И. Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения : Сб. историко-литературных статей / В.И. Покровский. – М., 1907. – 1062 с.
25. Полоцкая Э.А. Чехов (Личность, творчество) // Время и судьбы русских писателей ; отв. ред. Н.В. Осьмаков / Э.А. Полоцкая. – М. : Наука, 1981. – С. 282–343.
26. Протопопов М.А. Жертва безвременья. Повести Антона Чехова / М.А. Протопопов // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887– 1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 113–143.
27. Скабичевский А.М. Есть ли у Чехова идеалы / А.М. Скабичевский // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 144–179.
28. Степанов А.Д. Антон Чехов как зеркало русской критики / А.Д. Степанов // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 976–1006.
29. Сухих Н. Сказавшие «Э!». Современники читают Чехова / Н. Сухих // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887– 1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 7–44.

30. Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы / А.П. Чехов ; изд. подгот. Г.П. Бердников, А.Л. Гришунин ; отв. ред. Г.П. Бердников. – М. : Наука, 1986. – 573 с.
31. Чехов А.П. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – 1062 с.
32. Шестов Л. Творчество из ничего (А.П. Чехов) / Л. Шестов // А.П. Чехов. Pro et contra. Творчество А.П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX века (1887–1914). Антология. – СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. – С. 566–598.

REFERENCES

1. Krainii, Anton (1994) [Gippius 3.] Vybora meshka. Uglekislota, Novyi put, no.1, pp. 254–261.
2. Belyi, A. (1994) Lug zelionyi, Andrei Belyi. Kritika. Estetika. Teoriia simvolizma, in 2 vol., Vol. 1, Iskusstvo, Moscow, Russia, available at : http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_00_1910_simvolizm.shtml
3. Belyi, A. (2002) Chekhov, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 831–842.
4. Bogdanovich, A.I. (2002) Kriticheskie zametki, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 256 – 268.
5. Bogdanovich, A.I. A.P. Chekhov – talant mertvoi polosy, available at : http://az.lib.ru/b/bogdanovich_a_i/text_0190oldorfo.shtml
6. Bulgakov, S.N. (2002) Chekhov kak myslitel : publichnaia lekcii, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 538–565.
7. Vorovskii, V.V. (1975) A.P. Chekhov, Literatura. Iskusstvo. [Tekst] : [literaturno-kriticheskie statii] , Moscow, Iskusstvo, pp. 481 – 509.
8. Vorovskii, V.V. (2002) Lishnie liudi, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 615–651.
9. Gippius, Z. O poshlosti, available at : <http://gippius.com/doc/articles/o-poshlosti.html>
10. Gippius, Z.N. Byt i sobytiia, available at : <http://gippius.com/doc/articles/byt-i-sobytiya.html>
11. Gippius, Z.N. Knigi, chitateli i pisateli, available at : http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1911_knigi.shtml
12. Gippius, Z.N. Literaturny i literature, available at : http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1912_literaturny_oldorfo.shtml
13. King, V.L. (Dedlov) (2002) Besedy o literature. A.P. Chekhov, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 94–111.
14. Krasnov, Pl.N. Osennye belletristy, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 244–255.
15. Merezhkovskii, D. (2002) Chekhov i Gorkii, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 692–721.
16. Merezhkovskii, D.S. (2007) O prichinakh upadka i o novykh techeniiakh v russkoi literature, Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoi literatury, S.Pb., Nauka, pp. 428–502.
17. Merezhkovskii, D.S. (2002) Staryi vopros po povodu novogo talanta, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 55–79.
18. Mikhailovskii, N. (2002) Ob otcakh i detiakh i gospodine Chekhove, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiya, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 81–92.

19. Mikhailovskii, N.M. (1995) O povestiakh i rasskazakh Gorkogo i Chekhova, Literaturnaia kritika i vospominaniia. Seriia "Istoriia estetiki v pamiatnikakh i dokumentakh", Moscow, Iskustvo, pp. 494–514.
20. Mikhailovskii, N. Koe-chto o g-ne Chekhove, A.P.Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 332–354
21. Murinia, M.A. (1996) Chekhoviana nachala veka (Struktura i osobennosti), Chekhoviana. Chekhov i «serebrianyi vek», Moscow, RGGU, pp. 15–22.
22. Murinia, M.A. (1992) A.P. Chekhov v russkoi kritike i kulturnom soznanii nachala HH veka (1900–1917), Avtoreferat dissertatsii ... kand. filol. n., Spetsialnost 10.01.01 – russkaia literature, SPb., Russia.
23. Pertsov, P.P. (2002) Iziany tvorchestva (rasskazy i povesti A.P. Chekhova), A.P.Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 180–215.
24. Pokrovskii, V.I. (1907) Anton Pavlovich Chekhov. Ego zhizn i sochineniia, Sbornik istoriko-literaturnykh statei, Moscow, Russia.
25. Polotskaia, Je.A. (1981) Chekhov (Lichnost, tvorchestvo), Vremia i sudby russkikh pisatelei, Moscow, pp. 282–343.
26. Protopopov, M.A. (2002) Zhertva bezvremeniia. Povesti Antona Chekhova, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 113–143.
27. Skabichevskii, A.M. (2002) Est li u Chekhova ideally, A.P.Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 144–179.
28. Stepanov, A.D. (2002) Anton Chekhov kak zerkalo russkoi kritiki, // A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 976–1006.
29. Sukhikh, N. (2002) Skazavshie «E!». Sovremenniki chitaiut Chekhova, A.P. Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 7–44.
30. Chekhov, A.P. (1986) V sumerkakh. Ocherki i rasskazy. Nauka, Moscow, Russia.
31. Chekhov, A.P. (2002) Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, Russia.
32. Shestov, L. (2002) Tvorchestvo iz nichego (A.P. Chekhov), A.P.Chekhov. Pro et contra. Tvorchestvo A.P. Chekhova v russki mysli kontsa XIX–nachala XX veka (1887–1914). Antologiiia, Sankt-Peterburg, Izdatelstvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, pp. 566–598.

УДК 821. 161. 1 В – 31. 09

ПРИРОДА ИРОНИИ В РОМАНИСТИКЕ МАРКО ВОВЧОК И Н.Д. ХВОЩИНСКОЙ

Погребная В.Л., д. филол. н., профессор

*Запорожский национальный технический университет,
ул. Жуковского, 64, г. Запорожье, Украина*

bolichек@ukr.net

Статья посвящена рассмотрению функций иронии в романистике Марко Вовчок и Н.Д. Хвощинской. Доказывается, что ирония является стилиобразующим и структурообразующим способом построения образов «эмансипе».

Ключевые слова: эмансипация, „новая женщина”, ирония, деталь, карикатура, пародия.